

УСЛОВИЯ ЛОЯЛЬНОСТИ ВОЕННО-СЛУЖИЛОЙ И ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Филиппов Сергей Иванович,

кандидат философских наук,

заместитель директора по общим вопросам

Гуманитарного института Новосибирского государственного университета,

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2

SPIN-код (РИНЦ): 4743-5183

AuthorID (РИНЦ): 113556

flippow07@yandex.ru

Аннотация

Исследование посвящено выявлению условий лояльности торгово-промышленной и военно-служилой администрации по отношению к центральной власти. Сопоставляются «державы» Строгановых, включая как самих промышленников, так и население их вотчин в XVI–XVII веках, которые демонстрировали относительно высокий уровень лояльности, и волжское, донское и яицкое казачество (XVI–XVIII века), с их относительно низким уровнем лояльности по отношению к государственной власти. Выявлено, что на уровень лояльности военно-служилой и торгово-промышленной администрации в России оказывали влияние процессы различного социального масштаба. Поражение Новгорода в борьбе с Москвой и прекращение походов ушкуйников как на северо-восток (северное Приуралье), так и на юго-восток приводит к тому, что их социальную нишу в бассейне Волги занимают казаки, продолжая практику извлечения дохода путем использования средств насилия. Рост зависимости казаков от царского жалования в сочетании с навыками и средствами применения насилия обусловили восстания и бунты в XVII–XVIII веках, которые выступали как форма торга с властью за символическое признание и материальные ресурсы. В северном Приуралье геополитические изменения привели к другой стратегии освоения края – промышленной (производство соли) и сельскохозяйственной колонизации с предоставлением льгот по налогообложению и социально-экономическим патронажем по отношению к холопам Строгановых. Показано, что в условиях неразвитости государственных институтов это обусловило относительно низкий уровень этносоциальных конфликтов в регионе, не требуя, таким образом, содержания сильного аппарата принуждения, который мог бы стать ресурсом нелояльности централь-

ной власти. Благоприятные условия для продажи соли на внутреннем российском рынке (высокая цена, ограничение конкуренции) еще больше усиливали лояльность солепромышленников.

Ключевые слова: элиты, лояльность, насилие, габитус, казаки, Строгановы.

Библиографическое описание для цитирования:

Филитов С.И. Условия лояльности военно-служилой и торгово-промышленной администрации по отношению к центральной власти // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 2, ч. 2. – С. 391–408. – DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.2-391-408.

Огромная территория Восточной Европы и Азии от Приазовья, бассейнов Дона и Волги до сибирских просторов с XVI до XVIII века постепенно входила в состав России. Ее административно-политическая, экономическая и культурная инкорпорация осуществлялась в различных формах, но, по-видимому, главной стратегией управления Русским государством оставалось взаимодействие с региональными (этническими) элитами – от их вхождения в русский «политический класс» до создания новых элит, иногда после депривации прежних. При этом задачи управления отдельными территориями выполнялись не только военно-аристократическими или служилыми элитами и/или государственной бюрократией. Иногда это поручалось представителям торгово-промышленных кругов. Примером может служить династия Строгановых, представители которой в течение нескольких столетий осваивали огромные территории северного Приуралья, не только развивая промыслы (солеварение, металлургию, земледелие и др.) и торговлю, но и осуществляя административное управление краем, его военную защиту, привлекая колонистов и возводя населенные пункты (в том числе и крепости). При этом есть основания предполагать, что освоение территории торгово-промышленной администрацией оказывалось более эффективным, чем военно-бюрократической.

Основу «державы» Строгановых составляли пермские земли, которые в середине XVI века были пожалованы Анике Строганову на том основании, что они якобы были «пусты», что не соответствовало действительности, и местным воеводским властям в Чердыни было это отлично известно. Видимо, на решение о передаче якобы «диких, лесных и порожжих» земель из государственных владений в частные повлияли не только взятки воеводам, но и отсутствие у государевых служилых людей интереса прилагать усилия для объясачивания «несуществующего» коренного населения, в том числе и исходя из перспектив личного обогащения [1, с. 148]. Не окажись Пермь в составе владений промышленников Строгановых, она, по-видимому, так и оставалась бы долгое время «дикой и лесной».

Торгово-промышленная администрация отличалась от военно-бюрократической также уровнем лояльности по отношению центральной власти. Строгановы, располагая огромными богатствами, укрепленными поселениями, имея разрешение на содержание вотчинной армии, были всегда лояльны Москве, а позднее – Петербургу, оказывали существенную материальную и военную поддержку центральному правительству В. Шуйского во времена Смуты. Ни сами промышленники, ни их дворня и «работные люди» не участвовали в бунтах и восстаниях, напротив, активно боролись с «ворами» и интервентами [1, с. 206].

Региональные и этнические элиты далеко не всегда были лояльны центру. Например, польская шляхта (как в период существования Речи Посполитой, так и в составе Российской империи), донские казаки, поднимавшие многочисленные восстания в XVII–XVIII веках, яицкие казаки, ставшие ударным ядром пугачевщины. В чем причины лояльности самих Строгановых и населения их вотчин центральной власти? Зависела ли их лояльность каким-то образом от того, что территория осваивалась и управлялась купцами и промышленниками, а не представителями военно-служилых сословий? Почему переселенцы, возможно, из одних и тех же мест и выходцы из сходной социальной среды (крестьяне, посадское и работное население), попав на Южный Урал, становились вольными яицкими казаками, а выбрав северное направление – строгановские вотчины – превращались в мирных хлебопашцев, ремесленников, при этом без особого сожаления расставаясь с личной свободой?

Чтобы выявить условия лояльности торгово-промышленной и военно-служилой администрации по отношению к центральной власти, анализируются случаи, демонстрирующие относительно высокий уровень исследуемого явления («держава» Строгановых, включая как самих промышленников, так и население их вотчин в XVI–XVII веках), а также относительно низкий (вожское, донское и яицкое казачество в XVI–XVIII веках)¹. Указанные случаи, несмотря на различный уровень лояльности по отношению к центральной власти, обладают существенным сходством. Территории, колонизируемые казаками, а также вотчины Строгановых располагались в приграничье, зонах контактов различных государственных образований (Московское царство – Российская империя, Крымское и Сибирское ханства, Османская империя, Персия, Речь Посполитая), этносов и религий (ислам, язычество, православное христианство в том числе старообрядчество).

¹ Между казацкими войсками не было четко установленных границ, именно благодаря отсутствию демаркации они и возникали. Первые казаки на Яик приходят около середины 1550-х годов именно с Дона и Волги, миграции и контакты между казацким населением Дона, Волги, Яика никогда не прекращались [7, с. 22].

Для объяснения динамики лояльности военно-гражданской и торгово-промышленной администрации могут быть использованы различные теоретические подходы: марксистский подход, теория «стесненности» Р. Карнейро, теория фронта Ф. Тернера, геополитическая теория Р. Коллинза, теория круговорота элиты Ибн-Халдуна и другие. Самый общий обзор теоретических подходов показывает, что причины относительно высокого или низкого уровня лояльности индивидов и их объединений по отношению к государственной власти исследователи находят в процессах и обстоятельствах разного масштаба: от социально-политических, культурных, экономических взаимодействий между целыми государствами и даже их альянсами на обширных территориях (макроуровень) до ценностных установок и повседневных поведенческих практик индивидов (микроуровень). Проанализируем гипотетические условия, определяющие динамику лояльности военно-бюрократической и торгово-промышленной администрации по отношению к центральной власти, сопоставляя их с историческим материалом – процессами, происходящими в северном и южном Приуралье, а также в бассейнах Волги и Дона – территориях проживания и активности казаков и населения строгановских вотчин в XVI–XVII веках, относящимся к трем уровням социального масштаба: макро-, мезо- и микроуровням.

Макроуровень (геополитический и/или геоэкономический) – взаимодействие между различными акторами, претендующими на политический контроль над той или иной территорией (государственными образованиями, политиями) в рамках геополитической ойкумены (Р. Коллинз) или миросистемы (Ф. Бродель).

Согласно теории ограниченности (стесненности) Р. Карнейро, низкая численность и плотность населения, а также возможность в случае угрозы мигрировать на свободные, пригодные для жизни территории предотвращают установление стабильного господства одних групп населения над другими, т. е. монополизацию средств насилия и складывание государства [9, с. 55–71]. Это объясняет низкую степень лояльности населения государственной власти, а также общий высокий (и достаточно спонтанный) уровень агрессивности и насилия среди подобного рода «мигрантов». Образование казачьих войск (Донского, Яицкого, позднее Кубанского и др.) связывают, как правило, с наличием территорий, свободных от стабильного контроля со стороны наиболее крупных региональных держав: России, Польши, Османской империи, Персии, куда и переселялись вольнолюбивые люди, которые стремились сохранить независимый образ жизни и были готовы защищать свою свободу с оружием в руках. По мере расширения царской власти казаки были вынуждены переселяться на новые земли – таким образом около середины XVI века сложилось Яицкое войско.

Эта версия, объясняющая возникновение вольных казачьих социумов, если и верна, то только отчасти². Казачьи сообщества концентрировались у крупных рек, прежде всего у Волги, Дона, Яика. Их образ жизни был гораздо больше связан с водой, чем с землей: они практически не занимались земледелием, привычный образ казака на коне и с пашкой относится к позднему времени (XVIII и в большей мере XIX века). Основное средство передвижения казаков в XVI–XVII веках – речные суда: челны или струги длиной 14–18 м, дощатники длиной 29 м [14, с. 54–58], позволявшие совершать стремительные передвижения по рекам и вдоль побережий Азовского, Черного и Каспийского морей, нападать на торговые караваны, прибрежные населенные пункты и успешно уходить от преследования. Казачья «речная пехота», таким образом, обладала тактическими преимуществами по отношению к конным и пешим войскам, составляющим основу армий государств региона, что позволяло ей иногда добиваться феноменальных результатов (например, покорение Сибирского ханства и захват его столицы – Итиля).

Впрочем, тактика стремительных казачьих речных набегов имела существенные ограничения. Весьма мобильные, но немногочисленные силы были не в состоянии установить устойчивый и долговременный контроль над территорией, создав (прото)государство, что существенно подрывало их легитимность в глазах региональных политических акторов того времени. Сообщения о казаках в османских, крымских, русских источниках содержат эпитеты «незаконнорожденные», «лживые», «воровские», «подлые» и др. [16, с. 78]. Дефицит внешней и внутренней легитимности окажет существенное влияние на стратегии социализации казачьей верхушки и на поведенческие практики казаков вообще, о чем пойдет речь далее.

Появление казачьих сообществ и их активность в бассейнах крупнейших рек Восточной Европы были обусловлены в основном двумя событиями конца XV – середины XVI века. Во-первых, подчинением Новгорода Москве и утратой им своего экономического и политического влияния, результатом этого стало прекращение рейдов ушкуйников – новгородских «лихих» людей, в течение нескольких столетий совершавших грабительские походы на Волгу. Освободившуюся нишу и заняли казаки. Вторым событием стало «покорение» Казанского и Астраханского ханств Иваном IV,

²Такая стратегия выживания характерна больше для религиозных сообществ, идеология и образ жизни которых могли противоречить принципам подчинения государственной власти, что вынуждало их переселяться на те территории, где можно было избежать контроля государства, либо в те страны, которые мирились с ценностями и образом жизни диссидентов такого рода (старообрядцы, молокане, меннониты, амиши и др.). Эскапистские сообщества такого рода вели, как правило, неагрессивный и миролюбивый образ жизни, что коренным образом отличало их от казаков.

которое тем не менее не привело к установлению прочного мира на «шюкоренных» территориях. Бунты и восстания местного населения продолжались долгие годы. Московское правительство активно конфисковывало земли прежних владельцев и передавало их русским помещикам и духовенству, шла колонизация «подрайской земли» и русскими крестьянами – всё это сопровождалось переделом собственности, в результате чего «не у дел» оказались представители местного военно-служилого сословия, пополнившие ряды вольных казаков³. Южное Приуралье было чрезвычайно удобным местом для организации походов на Каспий, а совершать набеги на персидские территории было проще, поскольку Персия, в противоположность Османской империи, не обладала сильным военным флотом. Кроме того, в отличие от Дона, на пути с Яика на Каспий и Волгу не было укрепленных городов, с гарнизонами которых вольным казакам пришлось бы вступать в боевые столкновения [12, с. 108].

Таким образом, создание казацких войск в бассейнах крупных рек востока и юга Восточной Европы было обусловлено доступностью торговых путей и иных источников ресурсов, а также умелым использованием тактики речных набегов, которым региональные политические акторы долгое время не могли эффективно противодействовать, а также геополитическими изменениями конца XV – середины XVI века: освобождением ниши речного разбоя, принадлежавшей прежде новгородским ушкуйникам, и заполнением ее в том числе представителями военно-служилого сословия Казанского и Астраханского ханств, потерявшими свой прежний источник дохода в результате поражения от Московского царства.

Геополитическим условием торгово-промышленной, позднее – политико-административной активности Строгановых, становления их «державы» также стал упадок Новгорода и прекращение походов ушкуйников в Поморье, Прикамье и северное Приуралье. Основы торгово-промышленного дома Строгановых закладываются примерно в 70-х годах XV века и связаны непосредственно с исками к новгородцам [1, с. 16]. Стабильное производство соли требовало достаточно крупных инвестиций и представляло собой сложный технический процесс, что было возможно только в условиях относительного мира. Немногочисленные волнения местного населения, а также нападения со стороны Сибирского ханства в конце XVI века не представляли существенной угрозы для Строгановых⁴. По-настоящему опасным для промышленников было западное направление – Польско-Литовское государство, которое в определенном отношении воспринимало себя правопреемником Новгородской республики и

³ Сам термин «казак» первоначально относился именно к служилым татарам [23, с. 223, 224].

⁴ Нападение сибирцев на владение Строгановых в 1573 году было направлено, прежде всего, против пермяков, которых нападающие считали своим податным населением [19, с. 47–53].

пыталось распространить свой контроль на прежние новгородские зоны влияния. В 1613 году трехтысячный отряд польского авантюриста пана Яцко-го грабит столицу Строгановых Сольвычегодск [1, с. 132]. Так далеко строгановские враги с востока не доходили. Представляется, что не вотчина Строгановых была буфером между Московским царством и Сибирью, а, наоборот, Русское государство стало своеобразным буфером, защищающим владение богатейших русских промышленников от угрозы с запада.

В рамках миросистемной логики значение и общественная роль социальных групп с периферии мировой системы, владеющих средствами насилия, возрастают в случае их участия в обмене со странами ядра [25, р. 286]. Таким ресурсом, востребованным в ядре миросистемы, был «живой товар» – невольники, захватываемые вооруженными группами с периферии. Захват и продажа (или выкуп/обмен) «ясыря» (пленных) оставался достаточно значимым источником дохода казаков до конца XVII века [2; 12; 17, с. 36–46].

Что касается геоэкономического аспекта деятельности Строгановых, то добываемая ими соль шла преимущественно на внутренний рынок [1, с. 300]. По сравнению с внешними рынками, связь с которыми могла бы теоретически уменьшить зависимость деятельности Строгановых от Москвы, внутрисоветский рынок обладал для солепромышленников, по крайней мере, двумя преимуществами. Во-первых, Россия соль импортировала, и цены на нее были выше, чем в европейских странах [22, с. 146]. Во-вторых, соль в силу того, что она была жизненно необходимым продуктом для всех слоев населения, и даже в условиях натурального хозяйства ее приходилось покупать, была очень удобным товаром для того, чтобы включить в ее цену налог, что и делали многие государства, в том числе и Россия. Чтобы такая политика сбора налогов была эффективна, правительству следовало бороться с производителями и продавцами соли, которые поставляли на рынок этот продукт, минуя систему государственного контроля и предлагая ее населению по более выгодным для него ценам (в правление Федора Михайловича за подобную практику полагалась смертная казнь). Такая государственная политика приводила к ограничению конкуренции на рынке производства и продажи соли, что было выгодно Строгановым – официальным производителям и поставщикам данного продукта на рынок. Таким образом, зависимость благополучия Строгановых от внутрисоветского рынка и государственной протекции увеличивала их лояльность Москве.

Мезоуровень – это взаимодействие между различными социальными группами (классами, сословиями, этническими, религиозно-конфессиональными и другими сообществами) внутри одного общества. В рамках марксистского подхода общественные конфликты рассматриваются в

контексте социально-классовых противоречий, имеющих экономическую природу. В частности, казачьи восстания трактуются как проявления антифеодальной борьбы эксплуатируемых против эксплуататоров [10]. Лояльность торгово-промышленных слоев государству объясняется общностью интересов разных групп внутри одного эксплуататорского класса [1]. Однако в рамках марксистской теории проблематично объяснить лояльность масс свободного и зависимого ремесленного и земледельческого населения вотчин Строгановых своим хозяевам и государству. С другой стороны, конфликты казачества с государственной властью едва ли правомерно воспринимать как проявление классовой борьбы. Поговорка «Не жнет, не косит, а жупан носит» характеризует относительно высокие доходы казаков, а также указывает на то, что источником этих доходов был отнюдь не крестьянский труд.

Мы исходим из того, что относительно высокая степень нелояльности связана с наличием и большой ролью в обществе социальных групп, располагающих средствами насилия. Ярким примером такого социума являются казаки, благополучие которых напрямую было связано с насильственными практиками и военным искусством – набегами на купеческие караваны, захватами «ясыря» или службой региональным властителям (московскому царю, крымскому хану, польскому королю, турецкому султану).

В «державе» Строгановых отношения «господство – принуждение», видимо, не играли существенной роли, соответственно, сильных и влиятельных военно-служилых групп не сложилось⁵. Во-первых, как уже упоминалось, территория Прикамья, ставшая ядром строгановской вотчины, как московским правительством, так и местной воеводской властью воспринималась скорее обременением, чем ценным ресурсом: она представлялась бесперспективной с точки зрения распространения здесь служилого землевладения. Северное Приуралье выглядело также малопривлекательным с точки зрения объяснения местного населения, т. е. отсутствовал еще один источник дохода, основанный на принуждении.

Приход Строгановых и иных предприимчивых людей в Прикамье означал смену стратегии освоения региона. Если походы ушкуйников были направлены на добычу пушнины, грабеж местного населения и захват пленных, то «московская» волна колонизации носила промышленный характер и была связана с производством соли, торговля которой в XVI–XVII веках приносила огромные барыши: в XVI веке цена на соль поднимается на 33 %, а к 1647 году – на 200 % от уровня XVII века [1, с. 300]. Производство

⁵ Иван IV предоставил Анике Строганову право строить укрепленные городки, набирать войско, изготавливать оружие. Тем не менее вотчинная армия Строгановых была невелика и не всегда лояльна своим хозяевам, а с середины XVII века от нее практически отказались – защита поселений была переложена на местных крестьян.

соли, во-первых, не требовало большого количества рабочей силы, во-вторых, было основано преимущественно на труде свободных людей по принципу договора (ряда), что опять-таки не предполагало развитого аппарата насилия. Кроме того, данный промысел не относился к числу традиционных занятий местного населения, поэтому и конкуренция, и контакты между промышленниками и туземцами были сравнительно невелики, что снижало остроту конфликтов в регионе и необходимость в значительных силовых ресурсах. Наконец, переселенцам на новые земли в Прикамье предоставлялись налоговые льготы, ведь именно рост налогов становился зачастую причиной бунтов и вспышек сепаратизма (как, например, в испанских Нидерландах в XVI веке, в английских колониях в Америке в XVIII веке, а также в Москве (вспомним Соляной бунт 1648 года)).

Таким образом, отсутствие сильного военно-служилого сословия в составе населения «державы» Строгановых, которое могло бы стать военно-организационным ресурсом в возможном противостоянии с властью, объясняется спецификой получения дохода – эксплуатацией природных ресурсов, не требующей значительного аппарата принуждения и насилия, а также относительно высокой безопасностью территории, предоставлением местному населению различных льгот, в том числе по налогообложению, что снижало конфликтность.

Микроуровень. Ключевым понятием здесь выступает габитус – комплекс установок сознания и поведения (ценностных установок, идентичностей, поведенческих практики, стратегий социализации и др.), характерный для тех или иных социальных групп [15, с. 42–46]. Достаточно популярной концепцией, объясняющей мировоззренчески-ценностные установки и поведенческие практики жителей «пограничья», является теория фронта Ф. Тернера, получившая развитие в трудах отечественных и зарубежных исследователей [5, 8, 18]. Отсутствие/слабость государственных институтов, «пористость» границы и, как следствие, интенсивные экономические, социальные, культурные взаимодействия обуславливают особый габитус «людей фронта», включающий в себя свободолюбие, агрессивность, готовность с оружием в руках отстаивать свои интересы, но и столь же «пористую» идентичность и зачастую неопределенный статус.

К «людям фронта» относились и казаки, и жители «державы» Строгановых. Как на Каме, так и на Яике в XVI–XVII веках государственные институты были слабы или отсутствовали вовсе, степень монополизации насилия была низка. Но у жителей этих регионов формируются разные идентичности, получают распространения противоположные поведенческие практики и стратегии социализации. Габитус и мировоззренчески-ценностные установки казаков на первый взгляд могут показаться внутренне противоречивыми. Приверженность вольной жизни, самоуправление

(казачий круг), выборность атаманов и иных должностных лиц, принцип постоянной сменяемости власти (лишение этого права со стороны московского и петербургского правительства приводило к бунтам и восстаниям, самым мощным из которых была пугачевщина) вполне уживаются с идентификацией себя как «государевых холопов». Казаки Ермака после «покорения» Сибири не пытаются создать там новое войско, а отправляют посольство к царю с просьбой принять новую землю под свою руку и простить их (казаков) за прошлые прегрешения, а вовсе не к Строгановым, снарядившим на свои средства экспедицию⁶.

Такая двойственность казацкой идентичности (как вольных людей и как «государевых холопов») объясняется источниками их благополучия. Доходы казаков были трех основных видов: «хождение за зипунами» (грабеж купеческих караванов, набеги на соседние территории и грабеж их населения, захват и продажа или возвращение за выкуп полона, что легитимировалось самими казаками в качестве «государевой службы» и «защиты православной веры»); соляные промыслы, рыболовство, продажа коней, в том числе и краденых, а также государево жалование. По мере распространения и укрепления государственной власти (и, соответственно, порядка и безопасности) на территориях, которые являлись целью казацких набегов, жалование приобретает всё больший вес в этой триаде. В 40-е годы XVII века в устье Яика возводится каменный острог Гурьев, запиравший выход казаков на Каспий и Волгу – традиционные объекты походов «за зипунами» [6]. На рубеже XVII–XVIII веков Россия и Османская империя договариваются о взаимном возвращении полона, Азов становится центром обмена, что наносит сильный удар по такому источнику благосостояния казаков, как захват «ясыря» для последующего выкупа или продажи [17, с. 38]. Постепенно благополучие казаков оказывается критически зависимым от размера и периодичности выплаты государева жалования, а казацкие бунты и восстания становятся формой торга с властью за это жалование, навязыванием государству охранных услуг и некой демонстрацией собственной удали и доблести – качеств, высоко ценимых на международных «силовых» рынках [21].

Как уже отмечалось, вольные казаки отнюдь не идентифицировали себя как людей труда, считая земледелие, ремесло, торговлю занятиями, не соответствующему их элитному статусу. Для индивидов и сообществ про-

⁶ Ермак со своими казаками относился к Строгановым, видимо, без особого почтения – как к источнику материальных ресурсов для собственных предприятий, интересами которого можно пренебречь. Вместо защиты строгановских владений по р. Чусовой, которые в 1581 году подверглись нападению некоего пельмского князя, казаки отправились в завоевательный поход вглубь Сибирского ханства, что послужило причиной недовольства Ивана IV: в своей «опальной грамоте» Строгановым, составленной в 1582 году, царь приказывает вернуть Ермака из Сибири и использовать его силы для «оберегания пермских мест» [19, с. 54–56].

шлого и настоящего, чьи жизненные стратегии построены на обладании средствами насилия, вполне типичным является отношение к труду, предпринимательству, торговле как к занятиям недостойным [3, с. 190–193]. Тем не менее неинституализированный и неформализованный статус с претензиями на элитарность был проблематичен в аспекте его легитимации как внутри казацких сообществ, так и вне их. Элитный статус казаков и их политическая субъектность, как правило, не находили признания среди государств региона, что было обусловлено также и тем, что правительства России, Польши, Персии, Османской империи не видели в казацких войсках институтов и должностных лиц, которые могли бы выступить в качестве партнеров для выстраивания долгосрочных и предсказуемых отношений. Верховная власть принадлежала казачьему кругу – органу, собирающемуся нерегулярно, с неопределенными процедурами, власть атаманов была ограничена и, самое главное, лишена постоянства. Заключать какие-то долгосрочные договоренности с атаманами не имело большого смысла вследствие их сменяемости, отсутствия преемственности, зависимости их действий от казачьего круга.

Высокая степень насилия в самом казачьем социуме и агрессивные действия казаков вовне также были обусловлены дефицитом формальных, более или менее универсальных оснований легитимности статуса. Его необходимо было постоянно демонстрировать и подтверждать готовностью защитить собственную честь или добыть авторитет с оружием в руках, демонстрируя бесстрашие, удачу и мужество. Другие обычные стратегии демонстрации и сохранения привилегированного общественного положения – накопление богатства, престижное потребление, передача статуса по наследству – в казацком социуме были ограничены. Широко известно пренебрежительное отношение казаков к богатству; так, они хоронили своих погибших товарищей завернутыми в дорожные персидские ковры [12, с. 110]. Вольные казаки долгое время не были землевладельцами, им был недоступен такой символ, источник и гарантия элитного статуса, как поместье. Заключение брака в их среде не имело формы обмена между различными семьями/кланами и заключения договора, как в «цивилизованных» обществах, а происходило путем похищения невест. Сами процедуры заключения брака и его расторжения не были формализованы и носили весьма упрощенный характер, что ставило под вопрос легитимность подобного рода браков и, как следствие, правовой статус потомков, а также возможность наследования как статуса, так и имущества.

Неопределенность статуса и ограниченность возможностей его подтверждения и/или обретения было проблематичным, прежде всего, для верхушки казацкого социума, которая, несмотря на его эгалитарный характер и распространенность практик, препятствующих накоплению эконо-

мического, политического, культурного капитала, складывалась в XVII и особенно в XVIII веках. На Дону постепенно распространяется землевладение, пусть и не имеющее формальных оснований. Казацкая старшина захватывает обширные поместья, «сажая» на них новоприбывших кандидатов в вольные казаки, превращая их, по сути, в крепостных. На Яике, где земледелие так и не получило широкого распространения, верхушка казачества присваивает выпасы и места рыбной ловли [13, с. 80]. Во всех казачьих войсках старшина контролировала распределение царского жалования, что неизбежно вело к ее обогащению и разложению эгалитарного товарищества свободных воинов.

Согласно концепции асабийи (групповой солидарности) Ибн Халдуна – П. Турчина, приобщение части вольных воинов к благам цивилизации, следствием чего является распространение весьма дорогостоящих практик престижного потребления и поведения, неминуемо ведет к расколу внутри эгалитарных воинских сообществ [20, с. 80–83]. В своем стремлении к сохранению и приумножению материального благосостояния, административно-политического влияния и конвертации всего этого в более-менее признаваемые за пределами казачьих сообществ формализованные символические статусы старшина вступает в союз с правительственной администрацией, оказывая содействие в ликвидации войскового самоуправления, а также в превращении вольных казаков в военно-служилое сословие Российской империи, таким образом ликвидируя собственную зависимость от войскового круга. Процесс бюрократизации, в целом, завершается в правление Павла I: в 1799 году офицеры Уральского войска уравниваются в чинах с армейскими, в 1803 году утверждается Положение о войске в составе одной лейб-уланской сотни и десяти конных казачьих полков, стандартизируется управление войском, которое теперь подчинялось губернатору [7, с. 53]. Приравнивание казачьих чинов Войска Донского к штаб- и обер-офицерским армейским чинам и их инкорпорация в имперское дворянство произошло еще раньше – в 1798 году [11, с. 23].

В это же время жители североуральского фронта придерживаются совершенно иных стратегий социализации, вполне добровольно отказываясь от личной свободы, попадая в кабалу к богатым и могущественным промышленникам. В литературе отмечается высокая степень преданности зависимых людей Строгановых своим хозяевам, их, скорее, не социально-классовая, а патримониальная идентичность: в документах отсутствуют какие-либо указания на восстания дворовых и работных людей, в годы крестьянских войн строгановская дворня не только не присоединялась к «ворам», но и активно с ними боролась, в приход «литовских воров» под командой пана Яцкого в 1613 году строгановская дворня бьется во главе с хозяином, во время восстания 1648 года строгановские люди по приказу сво-

его хозяина спасают местного воеводу от восставшего посадского люда, беспокойство центрального правительства по поводу волнений на строгановских промыслах во время восстания С. Разина тоже оказалось напрасным [1, с. 206]. Большую часть населения вотчин богатейших промышленников составляли лично свободные крестьяне, мастеровые, ремесленники. Тем не менее в хозяйстве Строгановых значительную роль играли зависимые категории: «холопы» – квалифицированные ремесленники, мастеровые, иконописцы, а также административный аппарат – дворня (например, в соледобыче было задействовано 10 000 вольнонаемных и 5000 крепостных работников [24, с. 49]).

Но положение строгановских «холопов» кардинальным образом отличалось от положения крепостных крестьян в европейской России или в Речи Посполитой. Они попадали в зависимость от своих хозяев не путем внеэкономического принуждения и угрозы применения насилия, а в результате добровольного согласия, поскольку условия их жизни были гораздо лучше, чем условия жизни свободного населения края. Они получали привилегии своих хозяев (например, неподсудность местной власти). Строгановы обеспечивали своим «холопам» социальную защиту в нетрудоспособном возрасте, делая вклады в монастыри, которые брали на содержание престарелую дворню [1, с. 202, 203]. Неудивительно, что строгановские холопы были вполне лояльны своим хозяевам, и никакого принуждения в их отношении применять необходимости не было. Отрицательная социальная мобильность – отказ от личной свободы и связанных с этим статусом не только прав, но и становящихся всё более обременительными обязанностей (в условиях упадка или неразвитости государственных институтов) в обмен на благополучие и безопасность, предоставляемые частными акторами, обладающими, как правило, значительными экономическими и присвоенными политико-административными ресурсами – стратегия социализации, достаточно распространенная в мировой истории и известная, по крайней мере, со времени поздней Римской империи (III–IV века), когда крупные землевладельцы – магнаты – соединяли права собственности и административную, а также судебную власть, и в их владения происходил приток населения из приходящих в упадок городов [4, с. 84].

Выводы. На уровень лояльности военно-служилой и торгово-промышленной администрации в России в XVI–XVIII веках оказывали влияние процессы различного социального масштаба. Поражение Новгорода в борьбе с Москвой обусловило прекращение походов ушкуйников как на северо-восток (в северное Приуралье), так и на юго-восток (в бассейн Волги). На юго-востоке нишу ушкуйников, а именно получение дохода путем применения насилия (грабительские набеги на прибрежные поселения и на купеческие речные караваны) заняли казаки, в число которых, видимо,

вошли представители военно-служилого сословия Казанского и Астраханского ханств, утратившие свои прежние источники дохода в результате поражения от Московского царства. Рост зависимости казаков от царского жалования в сочетании с навыками и средствами применения насилия обусловили восстания и бунты в XVII–XVIII веках, которые выступали как форма торга с властью за символическое признание и материальные ресурсы.

В северном Приуралье геополитические изменения привели к смене стратегии освоения края – переходу к промышленной (производство соли) и сельскохозяйственной колонизации с предоставлением льгот по налогообложению и социально-экономического патронажа по отношению к холопам Строгановых в условиях неразвитости государственных институтов, что обусловило относительно низкий уровень этносоциальных конфликтов в регионе. Сложившаяся ситуация не требовала содержания сильного аппарата принуждения, который мог бы стать ресурсом нелояльности центральной власти. Благоприятные условия для продажи соли на внутреннем российском рынке (высокая цена и ограничение конкуренции) еще больше усиливали лояльность солепромышленников.

Литература

1. *Введенский А.А.* Дом Строгановых. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 306 с.
2. *Возгрин В.Е.* Рабство в странах Черного моря (позднее Средневековье – Новое время) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2011. – № 3. – С. 90–100.
3. *Волков В.В.* Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2012. – 352 с.
4. *Дьяконов И.М.* Пути истории: от древнейшего человека до наших дней. – М.: КомКнига, 2007. – 384 с.
5. *Замятина Н.Ю.* Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. – 1998. – № 5. – С. 75–88.
6. *Изюмов А.И., Соклаков А.Ю.* Яицкие казаки // Наука. Общество. Оборона. – 2019. – №2 (19) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshchestvo-oborona/2019-2-19/article-0188/> (дата обращения: 11.10.2022).
7. История казачества азиатской России: В 3 т. Т. 1: XVI – первая половина XIX века. – Екатеринбург: НИСО Уро РАН, 1995. – 316 с.
8. *Каппелер А.* Южный и восточный фронтир России в XVI–XVIII веках // Ab Imperio. – 2003. – №1. – С. 47–65.
9. *Карнейро Р.А.* Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей. – Волгоград: Учитель, 2006. – С. 55–71.
10. *Лебедев В.И.* Крестьянская война под предводительством Степана Разина. – М.: Просвещение, 1955. – 186 с.

11. Мальцев Д. Как готовили «поход на Индус» // Родина. – 2011. – № 7. – С. 22–24.
12. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). – Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1996. – 512 с.
13. Петрухинцев Н.Н. Раскол на Яике // Родина. – 2004. – № 5. – С. 78–81.
14. Рагуניתейн А.Г. За три моря за зипунами: морские походы казаков на Черном, Азовском и Каспийском морях. – М.: Вече, 2014. – 348 с.
15. Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. – М.: РОССПЭН, 2011. – 735 с.
16. Сень Д.В. «По приказу превысокова хана дан сей указ»: Крымское ханство и казачество // История: факты и символы. – 2015. – № 2 (3) – С. 74–91.
17. Сень Д.В. «Бил челом ахреянскому атаману...»: плен, рабство и выкуп на южном пограничье (конец XVII в. – начало XVIII в.) // Oriental Studies. – 2018. – № 11 (1). С. 36–46. – DOI: 10.22162/2075-7794-2018-35-1-36-46.
18. Сень Д.В. Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII – XVIII в.). – Ростов н/Д.: Альтаир, 2020. – 420 с.
19. Скрябинников Р.Г. Ермак. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 253 с.
20. Турчин П.В. Историческая динамика: на пути к теоретической истории. – М.: АКИ, 2007. – 368 с.
21. Филиппов С.П. Условия ответственности военно-гражданской администрации России (XVII – начало XX в.) // Вестник Омского университета. – 2019. – Т. 24, № 1. – С. 111–117. – DOI: 10.25513/1812-3996.2019.24(1).111-117.
22. Флоря Б.Н. Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI – начало XVII в. // Средние века. – 1973. – № 36. – С. 129–151.
23. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. – М.: Инсар, 1991. – 318 с.
24. Широкова В.А. Соляные промыслы России // Вопросы истории естествознания и техники. – 2005. – № 3. – С. 47–56.
25. Mann M. The Sources of Social Power. Vol. 1. A History of Power from Beginning to A.D. 1760. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 549 p.

Статья поступила в редакцию 16.11.2022.

Статья прошла рецензирование 11.12.2022.

CONDITIONS OF LOYALTY OF THE MILITARY-SERVICE, COMMERCIAL AND INDUSTRIAL ADMINISTRATION TO CENTRAL POWER

Filippov, Sergey,

Cand. of Sc. (Philosophy),

Deputy Director of the Humanities Institute,

Novosibirsk State University,

2 Pirogova Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

AuthorID (RSCI): 11355

SPIN-code (RSCI): 4743-5183

filippow07@yandex.ru

Abstract

The article deals with investigation into the conditions of loyalty of commercial as well as industrial and military-service administration to the central power. The analysis is based on comparing cases which demonstrate different levels of loyalty. A relatively high level of loyalty was shown by the “power” of the Stroganovs (merchants), including both the merchants and the population of their fiefdoms in the 16th–17th centuries, whereas the Volga, Don and Yaik Cossacks (16th–18th centuries) demonstrated a relatively low level of loyalty. It was revealed that the level of loyalty of military and commercial administration in Russia in the 16th–18th centuries was affected by processes of different social scale. The defeat of Novgorod by Moscow and the termination of the expeditions of Novgorod pirates named Ushkuyniks both in the North-East (Northern Urals) and in the South-East led to taking this niche in the Volga basin by the Cossacks that continued extracting revenues through the use of violence. The Cossacks’ growing dependence on the Tsar’s pay, combined with their skills and means of violence, caused revolts and rebellions in the 17th and 18th centuries that can be considered as a form of bargaining with the authorities for symbolic recognition and material supplementation. In the northern Ural, geopolitical changes resulted in introducing a new strategy in exploring the region – industrial (salt production) and agricultural colonization with tax exemptions and socio-economic patronage for the Stroganovs’ kholops (serfs) under conditions of underdeveloped state institutions, which resulted in relatively low levels of ethno-social conflicts in the region without the need to maintain a strong enforcement apparatus, which could become a resource for disloyalty to central power. Favorable conditions for the salt trade in the domestic Russian market (high price, limited competition) further strengthened the loyalty of salt producers.

Keywords: elites, loyalty, violence, habitus, Cossacks, the Stroganovs.

Bibliographic description for citation:

Filippov S. Conditions of Loyalty of the Military-Service, Commercial and Industrial Administration to Central Power. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2023, vol. 15, iss 2, pt. 2, pp. 391–408. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.2-391-408.

References

1. Vvedenskii A.A. *Dom Stroganovykh* [House of the Stroganovs]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1962. 306 p.
2. Vozgrin V.E. Rabstvo v stranakh Chernogo morya (pozdnee Srednevekov'e – Novoe vremya) [Slavery in the countries of the Black Sea region (from the Late Middle Ages till the Early Modern Era)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya = Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2011, no. 3, pp. 90–100.
3. Volkov V.V. *Silovoe predprinimatel'stvo, XXI vek: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz* [Power Entrepreneurship, 21st Century: An Economic and Sociological Analysis]. St. Petersburg, European University Publ., 2012. 351 p.
4. D'yakonov I.M. *Puti istorii: ot drevneishego cheloveka do nashikh dnei* [Paths of History: From the Ancient Man to the Present Day]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 384 p.
5. Zamyatina N.Yu. Zona osvoeniya (frontir) i ee obraz v amerikanskoi i russkoi kul'turakh [Development zone (frontier) and its image in American and Russian cultures]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Contemporary World*, 1998, no. 5, pp. 75–88.
6. Izyumov A.I., Soklakov A.Yu. Yaitskiye kazaki [Yaik Cossacks]. *Nauka. Obshchestvo. Oborona. – Science. Society. Defense*, 2019, no. 2 (19). Available at: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshchestvo-oborona/2019-2-19/article-0188/> (accessed 11.10.2022) (In Russian)
7. *Istoriya kazachestva aziatskoy Rossii: V 3 t. T. 1: XVI-pervaya polovina XIX veka* [History of the Cossacks of Asiatic Russia: In 3 vols. Vol. 1: 16th –first half of the 19th century]. Ed. By N. A. Minenko. Yekaterinburg, NISO Uro RAN Publ., 1995. 316 p. (In Russian)
8. Kappeler A. Yuzhnyy i vostochnyy frontir Rossii v XVI-XVIII vekakh [The Russian Southern and Eastern Frontiers from the 15th to the 18th Centuries]. *Ab Imperio*, 2003, no. 1, pp. 47–65. (In Russian)
9. Karneyro R.L. Teoriya proiskhozhdeniya gosudarstva [Theory of the origin of the state]. *Ranneye gosudarstvo, yego alternativy i analogi: Sbornik statey – Early state, its alternatives and analogues: Collection of articles*. Volgograd, Uchitel Publ., 2006. pp. 55–71. (In Russian)
10. Lebedev V.I. *Krest'yanskaya voyna pod predvoditel'stvom Stepana Razina* [Peasant war led by Stepan Razin]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1955. 186 p.
11. Mal'tsev D. Kak gotovili «pokhod na Indus» [How they prepared a “campaign to the Hindu”]. *Rodina*, 2011, no. 7, pp. 22–24. (In Russian).
12. Mininkov N.A. *Donskoe kazachestvo v epokhu pozdnego srednevekov'ya (do 1671 g.)* [Don Cossacks in the Late Middle Ages (until 1671)]. Rostov-on-Don, Rostov University Publ., 1996. 512 p.

13. Petrukhintsev N.N. Raskol na Yaike [The split on Yaik]. *Rodina*, 2004, no. 5, pp. 78–81. (In Russian).
14. Ragunshstein A.G. *Za tri morya za zipunami: morskije pokhody kazakov na Chernom, Azovskom i Kaspijskom moryakh* [Over three seas for zipuns: sea campaigns of the Cossacks on the Black, Azov and Caspian seas]. Moscow, Veche Publ., 2014. 348 p.
15. Rozov N.S. *Koleya i pereval: makrosotsiologicheskie osnovaniya strategii Rossii v XXI veke* [Track and Pass: the Macrosociological Foundations of Russia's Strategies in the 21st Century]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 735 p.
16. Sen' D.V. «Po prikazu prevysokova khana dan sei ukaz»: Krymskoe khanstvo i kazachestvo [“By the order of the High Khan, this decree was given”: The Crimean Khanate and the Cossacks]. *Istorija: fakty i simvoly = History: Facts and Symbols*, 2015, no. 2 (3), pp. 74–91.
17. Sen' D.V. «Bil chelom akhreyanskomu atamanu...»: plen, rabstvo i vykup na yuzhnom pogranič'e (konets XVII v. – nachalo XVIII v.) [Russian-Crimean-Ottoman Borderland: Areas, Phenomena, People (ending of the 16th – 18th Centuries)]. *Oriental Studies*, 2018, no. 11 (1), pp. 36–46. DOI: 10.22162/2075-7794-2018-35-1-36-46. (In Russian).
18. Sen' D.V. *Russko-krymsko-osmanskoe pogranič'e: prostranstvo, javleniya, lyudi (konets XVII – XVIII v.)* [Russian-Crimean-Ottoman borderlands: space, phenomena, people (end of the 17th – 18th centuries)]. Rostov-on-Don, Al'tair Publ., 2020. 420 p.
19. Skrynnikov R.G. *Ermak* [Yermak]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2008. 253 p.
20. Turchin P.V. *Istoricheskaya dinamika: na puti k teoreticheskoj istorii* [Historical dynamics. Why States rise and fall]. Moscow, LKI Publ., 2007. 368 p. (In Russian).
21. Filippov S.I. Usloviya otvetstvennosti voenno-grazhdanskoi administratsii Rossii (XVII – nachalo XX v.) [Conditions of the responsibility of irregular troops in Russia (17th – early of 20th century)]. *Vestnik Omskogo universiteta = Herald of Omsk University*, 2019, vol. 24, no. 1, pp. 111–117. DOI: 10.25513/1812-3996.2019.24(1).111-117.
22. Florya B.N. Torgovlya Rossii so stranami Zapadnoi Evropy v Arkhangel'ske (konets XVI – nachalo XVII v. [Trade of Russia with the countries of Western Europe in Arkhangelsk (the end of the 16th – the beginning of the 17th century)]. *Srednie veka*, 1973, no. 36, pp. 129–151. (In Russian).
23. Khudyakov M.G. *Očerki po istorii Kazanskogo khanstva* [Essays on the history of the Kazan Khanate]. Moscow, Insar Publ., 1991. 318 p.
24. Shirokova V.A. Solyanye promysly Rossii [Salt mines of Russia]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki = Studies in History of Science and Technology*, 2005, no. 3, pp. 47–56.
25. Mann M. *The Sources of Social Power*. Vol. 1. *A History of Power from Beginning to A.D. 1760*. Cambridge, Cambridge University Press, 2007. 549 p.

The article was received on 16.11.2022.

The article was reviewed on 11.12.2022.